

Уголок Дурова для неживых людей

“Коллекционер” Юрия Грымова

Состоялась премьера долгожданного фильма Юрия Грымова “Коллекционер”. Снят он по мотивам повести Левана Вараци. Ничего вразумительного об этом литературном первоисточнике мы сказать не можем. Можем лишь догадываться, что стал он неким плацдармом для богатой и буйной фантазии режиссера — человека затейливого и обладающего нестандартным подходом к любому делу, за которое ни возьмется.

Три года жизни, три года наверняка серьезнейшей и напряженной работы съемочной группы, состоящей из достойных и профессиональных людей, вылились в нечто, напоминающее гигантскую и поражающую воображение инсталляцию. Безусловно, красивую, но бессмысленную. Режиссеру важны в содеянном каждое слово, движение, любой фрагмент роскошного декора. Уголок Дурова, о котором он упоминал на пресс-конференции, обретает тут какой-то зловещий и двойной смысл. Диковинные породы зверей и птиц, каких-то мини-динозавров, тысячедолларовые экзотические бабочки впечатляют. Прямо “Клуб путешественников” или “В мире животных”! Во имя чего сия затея? Во имя красоты как таковой. Красота ценою в полторы тысячи долларов в данном конкретном случае мир не спасает, а окончательно и бесповоротно тащит его к гибели. Мертвечина беспросветная. Ни одного живительного лучика, в том числе и в актерском существовании на экране. Один лишь культ вещей, лишенной жизни и дыхания. Царство ветоши с глянцевым лоском. Вот и заставляют нас ею любоваться чуть ли не два часа кряду. Зрелище и получилось, и не получилось. На уровне картинка, открытки — вполне. Только эта картинка не наполнится пульсацией крови. Более того, на двадцатой минуте, к ужасу своему, осознаешь, что ничего уже не произойдет. Публика начинает поглядывать на часы.

Режиссер делал фильм обо всем сразу, в том числе и о том, что творят с человеком его собственные страхи. В результате получилось нагромождение всего того, что только может вместить воображение — стилизованное, ничем не ограниченное, в том числе и творческой волей.

У Юрия Грымова была идея начать проект без обозначения собственного имени, чтобы отстали наконец от него с обвинениями в тяге к клипам. Не помогло бы. Узнали бы все равно. Один кадр с лежащим на земле героем, к чьему мертвому, стеклянному глазу прилипает жел-

А.Петренко в роли Коллекционера

тый осенний лист, чего стоит. Так и чувствуешь, как он шваркает по поверхности зрачка, а дальше — никакого продолжения, “короткий метр”. Потом — следующий.

Дом коллекционера, напичканный всякой всячиной, по Грымову, не что иное, как модель мироздания. Мироздание на уровне лужи, которую специально разлили посреди дома и в которой картинно установлена нефункционирующая стиральная машина?

Юрий Грымов сказал, что вещи всегда интереснее людей. Чего ж, спрашивается, сердиться потом на упреки в увлечении поэтикой плиттусов?

Режиссер снимал про себя, про то, что знает. А это — Мойдодыр, детские и недетские страшилки, смешная и глупая птица-чайка на мхатовском занавесе. Все это и должно было быть смешно в предлагаемом контексте. Но нет, веселья не получилось. А получилось какой-то “Ералаш” с претензией бог знает на что. Режиссер напомнил всем нам песню “Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко”, песенки нашего пионерского детства типа “Из чего же, из чего же, из чего же, сделаны наши мальчишки?”. Из этих самых промочашек и прочей мелочовки, только подороже да посовременнее, и сделан “Коллекционер”.

Режиссер до выхода фильма разъяснял, что все мы — экспонаты и коллекционеры одновременно, а образ Коллекционера в исполнении Алексея Петренко страшен, опасен. Страшно не было.

Пересказ сюжета не прояснит ничего. Три друга оказываются в доме коллекционера. Далее по аннотации предполагается, что ценность коллекции не в количестве подлинников, а в том, что никто не может назвать точного числа подделок. Ведь человек тоже создан по образу и подобию, но кто упрекнет эту подделку в неподлинности? Коллекционер знает истинную цену нашим страстям и порокам. В его доме каждый находит именно то, что искал. Кто сумеет спастись, а кто навсегда останется экспонатом коллекции? Быть живым больно, но когда болит, ты чувствуешь, что ты есть...

В сущности, все это интересно. Сам ход мысли. Все располагало к тому, чтобы этот причудливый мир ожил на экране. Не получилось. Мир мертвых и живых в данном случае — сплошная каша. Не сложился ни тот ни другой. В очередной раз вспомнил венецианский хит “Другие” с Николь Кидман в главной роли. Отнюдь не шедевр, но крепкий фильм, завораживающий призрачностью и зыбкостью понятий под-

линного и неподлинного, когда весь фокус в том, что никак не уловишь, кто жив, а кто уже мертв, и как, наконец, человек совершает этот таинственный переход в небытие. И никакого при этом паноптикума.

Возможно, Юрий Грымова погубила гордыня. Он слишком высокомерен в своей странной уверенности в собственных силах. Да, человек должен себя любить, вне всякого сомнения. Но коли нет в нем боли, хоть толики сомнения — ничто не передастся зрителю, не заставит его зрительское сердечко затрепетать от страха или восторга.

Когда-то Юрий Грымов, впервые приехав на “Кинотавр” со своим дебютным большим фильмом “Му-му” (очень, кстати, много обещавшим), поражался тому, что вокруг так много настоящих кинематографистов и все они в трусах (дело было на сочинском пляже). Теперь он не удивляется таким мелочам. Он и сам себя почувствовал мэтром. Волнение ушло, сменившись самодовольством. Юрий Грымов открыто признается в симпатии к самому себе: “За что я люблю свое кино, так это за то, что нет в нем ничего случайного, вплоть до прыща на лице”. Прыщи действительно появлялись, сверхзадача их вызревания осталась тайной.

Светлана ХОХРЯКОВА

Культура-2001-51-1000-взвешу